Воинов-афганцев, особенно пограничников не принято было афишировать. Даже на снимках запрещалось быть при оружии и предписывалось фотографироваться едва ли не в гражданской одежде.

6 апреля 1983 года группу пограничников числом в 70 человек выбросили с вертолета южнее таджикского города Хорог прямо на заснеженные вершины скалистых гор Памира. Бойцам предстояло прикрывать подступы к границе. Преодолевая снежный пласт, по пояс утопая в белоснежной сыпучей преграде, группа собиралась на плато, чтоб разбить палатки и стать лагерем в километрах в пяти от высокогорного кишлака. Ни света, ни тепла. Сухой пакет в качестве пропитания.

По рации поступило сообщение о том, что в кишлак вошла банда душманов. Было приказано обезвредить врага. Бандиты действовали по ранее отработанной схеме, смысл которой выманить шурави на открытую местность и из засады всех перестрелять. Группа разделилась на две колонны: одна двинулась в сторону кишлака, вторая, в качестве прикрытия, двигалась чуть сзади параллельным курсом. Тишина в горах такая, что скрип снега под сапогами слышен издалека. Бойцы, как тени, перебирались осторожно, поочередно скрываясь за выступами скал, огромными валунами, впадинами, ожидая любого подвоха. День стоял тихий и солнечный, ослепительные пики гор были сказочно красивы и величавы. Вдруг эту застывшую тишину разорвал сухой треск автоматных очередей. Бойцы, прошедшие подготовку в Хороге, вмиг рассыпались и скрылись за естественными укрытиями. Выучка спасла. Но не всех. В отделении сержанта Белоглазова боец Владимир Карбышев с автоматом наперевес не успел

плюхнуться за валун, и пуля, попав в оружие, отрекошетила в землю. Второй боец потянулся за гранатометом и получил пулю прямо в грудь.
— Легко отделались, - мелькнуло в голове командира отделения гранатометчиков Олега Белоглазова. – Теперь держитесь, гады.
Однако, положение было критичным. Душманы загодя, поджидая колонну, расположились на выгодных высотах, советские бойцы рассыпались по впадине между гор и если б не отработанная до автоматизма сноровка быстро ориентироваться в обстановке и укрываться от свистящих пуль за скоплениями горных пород, потери были куда больше.
Душманы, уверенные в скорой победе, перебежками шли на сближение. Ситуация усугубилась тем, что вторая колонна, призванная прикрывать первую, тоже попала в засаду и помочь уже не могла.
— Отделение, используя естественное укрытие, лезем вверх, - скомандовал Белоглазов. – Надо уйти с насквозь простреливаемой местности.
Близость смертельной опасности заставляет мозг искать спасение таким способом, который в мирное время никогда бы в голову не пришел. Забираясь на плечи друг друга, вытягивая за руки, отделение карабкалось вверх, туда, откуда можно было достать врага.
— Из гранатометов по душманам огонь, - приказал командир отделения. – Плотная стена взрывов накрыла наступающих. Бой закипел с возрастающей силой.
Вдруг Белоглазов почувствовал удар в голову, и будто вода брызнула из-под шапки. Потрогал- кровь. Осколок по касательной разорвал плоть, не затронув серьезно кость. В пылу боя Белоглазов и не придал ранению особого значения. Главное было спасти ребят.
— Удивительно, но ни страха, ни времени я не чувствовал, - вспоминает Олег, - будто кадры в киноленте мелькали эпизоды. Скольких душманов я положил, скольких уничтожили друзья, не определить.
В самом конце боя появились «сушки», что окончательно определило результат столкновения. В секторе, где оборонялось отделение Белоглазова, лежало 18 трупов душманов. Каков в этом вклад отделения, каков вертолетов, не определить.
Олег написал представление бойцов к наградам, позже узнал, что их получили все, кто был отмечен за храбрость и умелые действия в бою.
Родом Белоглазов с Ковылкинского района. Есть там такая деревенька, родина Виктора Александровича Скопцова, оставившего заметный след в истории Мордовии, сумевшего в годы разрухи поднять сельское хозяйство республики с колен. Так вот он некоторых односельчан обеспечил работой в нашем районе. Кого в Атемаре, кого в Большой Елховке. А Малая Ивановка ныне ужалась до пары десятков дворов, ибо некуда местному люду руку приложить, и разбрелся народ по ближним и дальним краям. Уехал с родных мест и Олег Белоглазов, хотя шофер и механизатор широкого профиля. Обе специальности в большом спросе. У жены Саиди Алиевны в Лямбире многочисленная родня. Здесь тети и дяди, они-то и посоветовали семье здесь осесть.
Устроился Олег в МСО. Квартиру, как ветеран-афганец, получил. Долго уговаривал отца, Ивана Яковлевича, оставшегося в одиночестве, так как супруга Татьяна Алексеевна, ушла в мир иной, переехать в Лямбирь, но родитель все цеплялся за свою Малую Ивановку, скот водил, огород обихаживал. Согласился, когда уже не было сил корову содержать. В 86 лет ушел к своей Татьяне Алексеевне, завещав похоронить себя

рядом с ней в родной сторонушке.
Открыт и добродушен по складу характера Олег. В отца удался нравом. И Саидя Алиевна ему под стать. В соседней деревне росла, Старом Аллагулове, а в школу вместе ходили за четыре километра в Усть-Рахмановку. Так школьная дорога вывела на совместную жизненную стезю.
— Славная она. Не ошибся я в выборе, - улыбаясь, говорит Олег, - сына Игоря вырастили. Живет он в Саранске с женой, двумя внучатами наградил. На память об Афганистане у Олега медали «От благодарного афганского народа» и «Воин-интернационалист». Других в то время, когда об этой горячей точке говорить не приветствовалось, не давали. И только сейчас, когда отношение шурави изменилось и душманы отзываются о советских солдатах с большим уважением, о первых годах той «скрытой» войны стали говорить во всеуслышание и мы.

НИКОЛАЙ СКОБЛИКОВ